

АЛЕКСАНДР КИКЛЕВИЧ
(Olsztyn)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПАРАДИГМАХ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

В статье рассматривается место функционального подхода в разных парадигмах философии языка, в особенности с этой точки зрения сравниваются две парадигмы: структурная и постструктурная. Автор критикует точку зрения, в соответствии с которой переход от структурализма к современной «экологической» лингвистике заключался в том, что в качестве доминирующего был принят функциональный подход к описанию языковой системы и ее единиц. В соответствии с предлагаемой концепцией функциональное языкознание распространилось в европейской лингвистике в конце XIX и в начале XX века, а парадигматическая революция во второй половине XX века состояла в том, что объектом систематических исследований языковедов стала социальная и когнитивно-культурная среда знаковых систем.

Ключевые слова: парадигмы философии языка, структурная лингвистика, функциональный подход в языкознании, языковая функция, дистрибутивный анализ.

Введение

На переломе XIX и XX вв. для естественных и гуманитарных наук была характерна смена стиля мышления — переход к философии релативизма, которая раздвигала привычные рамки понимания реальности. В связи с этим выдающийся французский философ и математик А. Пуанкаре в 1905 году писал:

«Мы ищем реальность, но что такое реальность? Физиологи учат нас, что организмы образуются из клеток; химики прибавляют, что сами клетки образуются из атомов. Значит ли это, что эти атомы или клетки составляют реальность или по крайней мере единственную реальность? Тот типичный способ, по которому упорядочиваются эти клетки и который порождает единство индивидуума, не есть ли также реальность, гораздо более интересная, чем реальность отдельных элементов, и стал ли бы думать какой-нибудь натуралист,

что он достаточно знает слона, если бы он всегда изучал это животное только под микроскопом?» (1990, 213).

В языкознании философия релитивизма получила реализацию в виде структурной лингвистики, на что указывает, в частности, Р. Барт (1975, 147 и сл.). Напомним, что Ф. де Соссюр, вводя понятие языковой значимости (*valeur*), писал:

«Отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет [...] Язык есть форма, а не субстанция» (1977, 154).

Заслуга структурализма состояла в том, что реальностью языка стали не только отдельные единицы — языковые формы, как это было в традиционном языкознании, но в первую очередь — отношения между единицами, позднее — отношения между отношениями, а в целом — функции более простых по строению единиц в составе более сложных. Один из авторитетов структурализма XX в. Ю. М. Лотман остро полемизировал со своими противниками, которые отказывались трактовать язык и литературу как «имманентные, замкнутые структуры», видеть в абстрактных отношениях знаков реальный объект для исследования. Лотман сравнивал своих оппонентов с известным литературным персонажем Дениса Фонвизина — Митрофаном. Утверждение Митрофана о том, что *дверь* — прилагательное, «потому что она приложена к своему месту», как писал Лотман, — «это здравый смысл, который не признает абстракций и желает решать вопросы с точки зрения существа, а не с точки зрения метода» (1970, 46).

Идея функционализма в гуманитарных науках в значительной степени распространилась под влиянием точных наук, в частности, теории систематики в биологии. В начале XX в. в философии биологии отказались от концепции системы как генеалогического дерева, а также от фундаментального принципа эволюционизма: сходство является критерием определения родства. Было открыто, что гомологические (филогенетические) сходства в живой природе составляют лишь небольшую часть сходств, а филогения не равнозначна естественной классификации организмов (Любищев 1982, 210 и сл.). Это положение занимает центральное место в антидарвинистской теории номогенеза Л. С. Берга, который подчеркивал, что сходства живых организмов в значительной степени возникают в результате конвергенции — направленного развития в определенном направлении под влиянием среды. Существования морфологического подобия, например, между рыбами и китами, еще недостаточно, чтобы утверждать о существовании общего для них предка (Берг 1977, 198; см. также: Урманцев 1978, 34).

Важно отметить, что, обосновывая теорию номогенеза, Берг (1977, 294) ссылался на опыт лингвистических исследований, в частности, на работы выдающегося индоевропеиста А. Мейе, который, высказывая тезис о системном характере языка, одновременно подчеркивал, что язык имеет также социальную и идиотническую природу (1960, 367) — и именно этим объяснял массовый характер языковых изменений.

1. Структурализм *contra* функционализм

В современных лингвистических исследованиях широко распространено противопоставление функциональной и структурной лингвистики (см. Korzyk 1999, 10; Гаспаров 1998). Сегодня, в начале XXI в., большинству языковедов структурализм устойчиво ассоциируется с формализмом, механицизмом, антипсихологизмом, редукционизмом, с радикальным сциентизмом, с семантической «пустыней», с дегуманизацией науки о языке, а также — с игнорированием функциональной природы языка, который, по определению Э. Р. Атаяна, «устремлен за свои пределы» (1987, 3; см. также: Ágel 1997, 58). В связи с кризисом структурализма, отмечается в литературе, «наметилась тенденция к переакцентировке внимания исследователей на вопросы языкового функционирования» (Мельничук 1992, 25). Структурная лингвистика, пишет М. В. Арапов, предполагает анализ большей единицы на меньшие (1984, 356), тогда как функциональный подход имеет обратную перспективу — «снизу вверх», по определению Г. Г. Почепцова (1971). Э. Косериу (Coseriu 1987, 87) различал реляционные грамматики, предметом которых являются грамматические формы (а именно — парадигмы форм), и функциональные грамматики, описывающие функционирование грамматических форм.

А. Н. Рудяков (2004, 5 и сл.) определяет структурную теорию языка как знаковую, субстанциональную и противопоставляет ее функциональной теории (хотя функциональная трактовка языка «как орудия регуляции, имеющего знаковую природу», о которой пишет Рудяков (*ibidem*, 15), принадлежит именно создателю структурализма — Ф. де Соссюру, см. 1990, 148 и сл.).

В. Г. Гак (1985, 6 и сл.) представляет функциональные свойства языковых единиц в оппозиции к нефункциональным свойствам. Анализ первых и вторых позволяет сделать вывод, что функционализм и структурализм для исследователя — диаметрально противоположные понятия, см. таблицу 1.

Таблица 1. Опозиција функционалних и нефункционалних признака

Функционално	Нефункционално
Узуално, т.е. повезано са конкретним носиоцима	Обично, т.е. не повезано са конкретним носиоцима
Речено, т.е. актуализовано у конкретном реченом акту	Језичко, т.е. односе се к инваријантној систему језика
Семасиолошко, т.е. условљено контекстом	Ономасиолошко, т.е. узето у одвојењу од контекста
Честотно-количествено, т.е. узимајући у обзир редовност употребе у речима	Структурно, т.е. узимајући у обзир само системску значајност, која се изражава у мноштву опозиција
Лексико-семантичко, т.е. усмерено к референтима, изван језика	Формално-грамматичко, т.е. уско имманентно, условљено потребом организације синтагматичких структура
Синтаксишко, т.е. засновано на комбинаторици јединица	Морфолошко, т.е. засновано на формалној осигурању синтаксиса

К сличном закључку такође можемо доћи, анализирајући податке Р. Бугранд (Beaugrande 1996, 25) дифференцијалне знаке функционализма и формализма (који овде је синоним структурализма) — см. таблицу 2.

Таблица 2. Опозиција функционализма и формализма (Р. Бугранд)

При формализму	При функционализму
взглед на језик:	
унутарњи, т.е. усмерен само на унутарњу структуру језика	равнотежа између унутарњим и спољним, т.е. узимајући у обзир дејство језика на средину
статички	динамички
од теоретског описа к емпиријском, од теорије к пракси	од емпиријског описа к теоретском, од праксе к теорији
како на мноштво дихотомичких опозиција	како на мноштво параметричких и постепених опозиција
како на дискретну суштину	како на континуалну суштину
како на цело, које се једнава са збиром делова	како на цело, које се не једнава са збиром делова

Принципиальное различие структурного и функционального анализа подчеркивает также известный украинский и польский философ языка О. Лещак. Несмотря на то, что «возможно и структуралистское или аналитическое исследование функционирования объекта» (2000, 245), однако, по мнению Лещака, при этом ставится задача «вскрыть структурные связи внутри объекта или внешние связи объекта в большем структурном целом», а такой подход Лещак считает описательным (дескриптивным):

«Стремление описать, дать наглядное представление, получить гарантированное (= позитивное) знание, редукция исследования до простого наблюдения за внешними проявлениями объекта, его «поведением» не имеет ничего общего с функционализмом» (ibidem).

Лещак критикует использование в лингвистических исследованиях — под влиянием Львовско-Варшавской школы аналитической философии и Венского кружка — логического понятия функции, например, в теории глоссематики Л. Ельмслева:

«В результате была создана структуралистская, совершенно априористическая и механистическая модель логической грамматики [...] которую (при всем том, что в ее основе лежит понятие функции как отношения) никак нельзя считать функциональной» (ibidem, 250).

Такая оценка вытекает из фундаментального теоретического положения автора, в соответствии с которым функционализм отождествляется с прагматизмом:

«Базой для функционального исследования [...] является только прагматическая деятельность [...] Функция [...] это центральное методологическое понятие, способ представления объекта, характер и форма его бытия. По уровню обобщения понятие функции в функционализме сопоставимо лишь с понятием опыта как сущностно-бытийной содержательной характеристики объекта» (ibidem, 250 и сл.).

2. Структурализм как функционализм

Характерная для современной философии языка позиция О. Лещака, во-первых, отражает узкое, а именно — экологическое понимание функции и функционализма, а во-вторых, является следствием недооценки структурализма и его вклада в историю языкознания XX в. — именно с позиций сегодняшней «экологической» лингвистики.

В предагаемой в данной работе концепции в качестве исходной принимается идея, высказанная выдающимся немецким языковедом Х. Яхновым (Jachnow 1987, 613), которая заключается в том, что функционализм в лингвистике не ограничивается описанием взаимодействия языка со средой, потому что понятие среды распространяется и на саму языковую систему — она является также средой для своих элементов: морфемика — это среда функционирования фонем, лексика — среда функционирования морфем, синтаксис предложения — среда функционирования лексем, синтаксис текста — среда функционирования предложений. Если функционализм, по убеждению О. Лещака, заключается в «принципиальной относительности бытия объекта, его значимой связанности с другими объектами, его ценностной отнесенности к иным объектам» (2000, 247), то нельзя понять, почему эта «отнесенность» и эта «связанность» не могут реализовываться внутри языковой системы.

Определение функции языковых единиц как их отношения к внеязыковым объектам характерно для многих концепций функциональной лингвистики, например, известной немецкой грамматики В. Шмидта (Schmidt 1969, 272). Порочность научного подхода, в соответствии с которым «достаточной эпистемической базой для функционального исследования [...] является только прагматическая деятельность» (Лещак 2000, 25), заключается в том, что за пределами функционального анализа оказываются все «неинтенциональные» уровни языка — фонология и в значительной степени морфология, поскольку их нельзя однозначно определить в рамках «функционально-опытного отношения к миру и другим людям».

Мы, однако, принимаем высказанную Яхновым (1975) противоположную точку зрения: понятие функции амбивалентно по отношению к формату языковой единицы, а функциональные характеристики принципиально применимы к единицам трех типов:

- 1) организативным (фонемам, морфемам)
- 2) номинативным, или репрезентативным (морфемам, лексемам) и
- 3) коммуникативным, или конвентивным (предложениям)

Прагматическая функция — только один из видов языковых функций. Функциональное единство языковой системы как раз обеспечивается тем, что функциональные отношения пронизывают всю систему.

Вслед за К. Гемпелем (Hempel 1965, 303) Яхнов определяет функцию как реализацию (или удовлетворение) внутренних или внешних потребностей системы с учетом имеющихся условий. Ср.

близкое по содержанию определение И. П. Ильина: функция — это «такая соотнесенность одного элемента целостной структуры с другим, которая поддерживает существование самой структуры» (1975, 460).

Все языковые функции делятся Яхновым на два типа:

1. элементарные и
2. комплексные (сложные)

Первые относятся к системе языка, а вторые присущи языку как части более общего целого, в которое входят разные семиотические и несемиотические системы. Комплексные функции позволяют реализовать принцип «через информирование — к взаимодействию и координации»:

«Язык предлагает возможности сделать знания, открытия, чувства, потребности, намерения предметами интересубъектного и социального взаимодействия — в синхронном и диахронном аспектах. Он обеспечивает, таким образом, формирование, сохранение и развитие социальной личности с ее специфическими и социокультурными свойствами, другими словами — язык в своем функционировании служит общественному существованию человека» (Jachnow 1981, 21).

При классификации элементарных функций учитываются два фактора. Первый касается функциональных контрагентов языковых единиц, которыми могут быть другие языковые единицы — в этом случае речь идет о внутриязыковых функциях, или же внешние объекты — здесь речь идет о внеязыковых функциях (Jachnow 1987, 613). Второй фактор — это сознательный (преднамеренный) или бессознательный характер функции (*manifeste/latente Funktion*).

Элементарные функции упорядочиваются Яхновым в соответствии с данными двумя параметрами, при этом сначала выделяется общий тип функции, а затем — его субфункции. Система элементарных функций выглядит следующим образом:

1. бессознательные имманентно-системные функции заключаются в том, что единицы определенного формата составляют субуровень языковой системы, т.е. структурные элементы единиц более высокого и сложноорганизованного уровня
2. сознательные имманентно-перформативные функции присущи элементам, из которых образуются и с помощью которых структурируются сложные, синтагматически организованные коммуникативные, целеустремленные (*angestrebte*) единицы
3. сознательные внешнеязыковые функции отражают относительную самодостаточность высказывания, его связь с вне-

языковыми потребностями и намерениями пользователей языка. Субфункции состоят в том, чтобы:

- информировать адресата о положениях дел
 - управлять поведением коммуникативного партнера
 - сообщать о личном отношении к описываемым событиям
 - создавать, поддерживать или прекращать контакт с партнером
 - передавать партнеру эстетическую информацию
4. рефлексивные внешнеязыковые функции имеют сознательный или бессознательный характер и заключаются в передаче фоновой информации: топографической, социальной, культурной и др., которая прямо не связана с интенцией речевого субъекта, ср. *оканье* как признак севернорусского происхождения
 5. бессознательные концептуальные внешнеязыковые функции (*konzeptiv sprachexterne Funktion*) проявляются в отношениях между языком и психикой, в частности, мышлением: язык и его единицы (слово, предложение, текст) выступают как составные элементы мыслительных процессов

3. Функциональное содержание структурного анализа

Как отчасти было показано в предыдущем разделе, термин *структурализм* представляет собой некоторую условность — в действительности структурная лингвистика включала в себя не только структурный, но и функциональный анализ. Прежде всего это относится к единицам фонологического уровня, которые, будучи минимальными, далее неделимыми единицами языковой системы, принципиально не могут быть описаны в структурном аспекте. Выделенные структурной фонологией дифференциальные признаки фонем как раз и являются теми функциональными характеристиками, которые определяются на основе их поведения в среде, т.е. вытекают из их перцептивной и сигнификативной (смыслоразличительной) функций.

В. Н. Топоров (1987, 231) еще в 60-е годы XX в. писал, что для структурной лингвистики характерна заинтересованность не отдельными единицами языка, а их функциями в процессах коммуникации. Выдающиеся представители чешской структурной школы Ф. Данеш и Й. Вахек в те же годы писали: «Никакое структурное исследование, действительно достойное этого имени, не вправе игнорировать функциональный и эволюционный аспекты языка» (1967, 336).

Как считает Х. Яхнов (Jachnow 1987, 613), функционализм в европейском языкознании первой половины XX в. распространился именно благодаря структурной лингвистике, в особенности — пражской лингвистической школе, которая считала центральным целевой аспект языка. Выдающийся представитель структурализма Р. Якобсон, противопоставляя функционально-структурное и традиционное (в том числе историческое) языкознание, писал:

«Длительное пренебрежение к исследованию целевого аспекта языка [...] которое все еще живет в некоторых академических кругах, — исторически объясняется укоренившимся страхом перед проблемами, связанными с идеей целенаправленности. Поэтому вопросы генезиса вытеснили вопросы направленности, а поиск предпосылок заменил исследование целей» (1965, 374).

К наиболее важным достижениям структурной лингвистики следует отнести не только упомянутую выше фонологию — функциональную теорию звуков, но и теорию функциональной перспективы (актуального членения) предложения, теорию функциональных стилей (в особенности — поэтического языка), теорию функциональной классификации в грамматике, теорию семантического поля и др. (Daneš 1987, 3 и сл.; Davidse 1987, 39 и сл.).

Сильной стороной структурализма является описание функционального взаимодействия между отдельными уровнями языковой системы. Л. Блумфилд, основатель дистрибутивного метода в лингвистике, подчеркивал, что «каждая лексическая форма закрепляется всегда за обычными формальными классами» (1968, 293). Например, структурные отношения единиц лексического уровня устанавливались на основе их функционально-синтаксических признаков — синтаксических функций и принадлежности к тому или иному типу сочетаемости, поэтому в дистрибутивно-статистических исследованиях середины XX в. можно найти предпосылки возникновения современной функциональной грамматики.

В качестве примера того, что при парадигматической классификации единиц языка структуралисты учитывали их синтагматическое функционирование в речи, можно рассмотреть анализ грамматической категории степени прилагательных польским языковедом Р. Токарским. Формы сравнительной степени прилагательных и наречий в русском языке, как правило, образуются от форм положительной степени с помощью суффиксов *-ее*, *-е*, *-ше*, например: *сильный* — *сильнее*, *тихий* — *тише*, *широкий* — *шире*. Традиционно компаратив рассматривался с формальной точки зрения, т.е. как результат

грамматических преобразований внутри одной и той же лексемы. Благодаря функциональному подходу в содержании словоформ типа *silniejsze*, *tišcie*, *szersze* удалось открыть новые свойства. Токарский (Tokarski 1976, 340 и сл.) обратил внимание на то, что при употреблении в тексте формы сравнительной степени по содержанию далеко не всегда соотносены с позитивной степенью соответствующей лексемы, ср.:

Czuję się już lepiej — Я чувствую себя уже лучше.

Словоформа *lepiej* ‘лучше’ функционирует здесь не на фоне словоформы *dobrze* ‘хорошо’, а скорее на фоне антонимичной словоформы *źle* ‘плохо’ — в определенной степени компаратив *lepiej* является отрицанием позитива *źle*. Приведенное польское предложение можно перефразировать:

Czułem się źle, ale teraz czuję się lepiej — Я чувствовал себя плохо, но теперь чувствую себя лучше.

Это значит, что в данном, весьма типичном для речевого употребления компаратива случае прилагательное *лучше* — с функциональной точки зрения — оказывается формой сравнительной степени не только лексемы *йлохо*, но и лексемы *хорошо*. Значит, делает вывод Токарский, в языковой системе существует не только интенсификация в оппозициях типа *хороший* — *лучше* (‘еще более хороший’) — *наилучший*, но и антонимическая градация в оппозициях типа *йлохой* — *лучше* (‘не очень плохой’) — *хороший* — *очень хороший*.

Идею о динамичности языковой системы, о взаимодействиях между отдельными подсистемами и уровнями языка наиболее регулярно разрабатывал синтагматический структурализм — более поздняя версия структурной лингвистики. «Семантика синтаксична, а синтаксис семантичен» — этот постулат В. Г. Гака стал лозунгом для целого поколения лингвистов, избравших для описания языка принцип интегративности, который, в частности, нашел отражение в упомянутой дистрибутивной методике исследования языковых категорий. Функциональная грамматика, в принципе, не делится на морфологию и синтаксис (Бондарко 1985, 29), а в некоторых функциональных теориях в одном комплексе описывается морфология, синтаксис и лексика. Б. Малиновский подчеркивал, что в примитивных языках граница между лексико-семантическими и грамматическими категориями более расплывчата и неопределенна, чем в литературных языках (Pisarkowa 2000, 12).

Основы описания взаимодействия языковых уровней — фонетики и морфемики, лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса, были заложены именно в структурной лингвистике, один из авторитетных представителей которой — Дж. Лайонз, писал, что разделение грамматики и семантики касается только «способа подачи лингвистического описания». Подобную мысль высказывал и один из наиболее известных оппонентов структурализма — М. М. Бахтин:

«В целом ряде случаев разница между грамматикой и стилистикой как бы вовсе стирается. Существуют явления, которые одними исследователями относятся к области грамматики, другими — к области стилистики» (1979, 244).

Еще раньше эту идею высказывал О. Есперсен: «Грамматика и словарь в некоторых отношениях перекрывают друг друга и имеют дело с одними и теми же фактами» (1958, 31).

Структуралисты понимали, что принципиальное разделение грамматических и семантических, интро- и экстралингвистических функций — условность, необходимая для достижения некоторого приемлемого результата при описании конкретного фрагмента языковой системы. Эта условность вытекала из принятого структуралистами принципа: «описывать то, что можно, так, как нужно»:

«Создалась традиция, в соответствии с которой лексические и грамматические значения рассматриваются отдельно и независимо друг от друга, как категории разного порядка. Как методический прием, выделяющий до известной степени искусственным образом один из аспектов в исследовании, такое рассмотрение, очевидно, оправдано. Но если говорить о действительной природе отношений этих двух видов значений, то их отграничение и изоляция друг от друга не могут быть признаны правомерными» (Звегинцев 1976, 103; Дридзе/Леонтьев 1976, 96).

Поэтому в рамках структурной доктрины активно разрабатывалась идея изоморфизма уровней языка:

«Структура языка является единым целым с тесными взаимными связями между соседствующими подсистемами, а поэтому трудно быть уверенным в правильности решения относительно одной подсистемы языка, пока не произведен анализ соседних подсистем» (Лэм 1977, 16–17).

При функциональном подходе изменяется перспектива рассмотрения лингвистических объектов разного формата. Традиционно они описываются по возрастающему принципу — от более простых

единиц к более сложным, что отражается, например, в структуре учебных курсов по языку: студенты начинают с фонетики и фонологии, затем следуют лексика и морфология, заканчивается же курс синтаксисом. Но, как отмечал Н. Ф. Яковлев,

«в языке предложение как господствующая грамматическая форма определяет собой и наполняет содержанием все остальные грамматические формы. Слово полностью можно понять только в предложении» (Яковлев/Ашхамаф 1941, 12).

Поэтому Яковлев предложил новую структуру грамматического описания, которое начиналось с синтаксиса: синтаксис → лексикология → словообразование, словоизменение → фонетика. «Такое построение, — подчеркивал Яковлев, — наилучшим образом обеспечивает научное построение грамматики и оправдывается историей развития языка». Этот подход, в частности, был реализован в польской академической грамматике, первый том которой посвящен синтаксису, второй — морфологии (словоизменению и словообразованию), а третий — фонетике и фонологии.

3.1. Функционально-структурное исследование лексики

Заслугой структурного направления в лингвистике является разработка теории оппозиций. Языковые оппозиции впервые были выявлены в фонологии. Наибольший интерес (благодаря исследованиям Н. С. Трубецкого, Р. Якобсона, Е. Куриловича и др.) вызвали бинарные противопоставления, в которых одну и ту же пару языковых единиц составляют носитель положительного и носитель отрицательного признака. Таковы, например, корреляции согласных звуков по звонкости/глухости: *b* [+звонкость] — *p* [-звонкость]. В середине XX в. принцип построения привативных бинарных оппозиций был перенесен в лексикологию — это направление исследований активно развивала, в частности, тартуско-московская семиотическая школа. При анализе семантических корреляций лексем выяснилось, что с функциональной точки зрения мы зачастую имеем дело не с противопоставлением самостоятельных, равноценных признаков (хотя и такие, эквивалентные, оппозиции имеются в языковой системе), но с оппозициями, в которых один элемент является исходным, сильным, положительно маркированным, а другой — производным, слабым, отрицательно маркированным (см. таблицу 3).

Таблица 3. Бинарные привативные семантические оппозиции

Положительно маркированный член	Отрицательно маркированный член	
мужской	женский	[-мужской]
добро	зло	[-добро]
свет	тьма	[-свет]
движение	покой	[-движение]
близкий	далекий	[-близкий]
космос	хаос	[-космос]
хороший	плохой	[-хороший]
свой	чужой	[-свой]
свобода	рабство	[-свобода]

При анализе функционирования подобных семантических оппозиций выяснилось, что в тексте актуализируются не только «горизонтальные» отношения, т.е. противопоставление слов с положительными и отрицательными признаками, но — что более важно и более интересно — также «вертикальные» отношения, т.е. отношения между единицами с одинаковой — положительной или отрицательной, маркированностью. Таким образом, в тексте (прежде всего в художественном) были открыты принципиально новые семантические связи, а также тот семиотический алгоритм, который программирует эти окказиональные семантические ассоциации в речевой коммуникации. Так, в поэтике Николая Заболоцкого можно выделить реестр ядерных семантических оппозиций (Лотман 1972, 257 и сл.):

верх	низ
далеко	близко
простор	теснота
движение	неподвижность
метаморфозы	механическое движение
свобода	рабство
информация	избыточность
мысль (культура)	природа
творчество	рутина
гармония	хаос

Благодаря тому, что все эти оппозиции представляют собой целостную систему, функционирование конкретной лексемы в тексте (в

частности, ее понимание) зависит от того, с какой — положительной или отрицательной — парадигмой соотнесет ее интерпретатор. Так в содержательной структуре художественного текста возникают семантические корреляции типа: *простор — свобода, свобода — информация, свобода — творчество, верх — мысль, хаос — рабство, неподвижность — рутина* и др., которые вне системы бинарных оппозиций не существуют. Например, в социальной коммуникации широко представлены возникающие подобным образом корреляции: «мужской» — «правый» и «женский» — «левый». Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, описывая культурные стереотипы племени гого в Центральной Танзании, указывают:

«Жестко предопределенная взаимосвязь основных признаков обуславливает, например, у гого соотнесение левой стороны с женщинами в различных ситуациях — от деталей любовного общения, при котором левый бок и левая рука женщины должны быть обращены к правому боку и правой руке мужчины, до ориентации захоронений, при которых женщину хоронят слева от мужчины» (1974, 259).

Накопление в тексте соответствующих значимостей формирует «положительный» или «отрицательный» контекст, так что участие конкретной знаковой единицы в создании текста возможно при согласовании индивидуального значения с профилем контекста. Так, у всех народов мира в ритуально-мифологических дискурсах, связанных с идеей удачи, благополучия, безопасности и т.п., не может выступать левая рука — носитель отрицательной значимости. Напротив, в отрицательном контексте палеолитического изобразительного искусства эксплицированы коррелирующие значимости: изображения женщин — а не мужчин, изображения животных — а не человека, изображения чужого — а не своего (Топоров 1972, 88).

В 60-е годы XX в. введенный Л. Блумфилдом дистрибутивный анализ единиц языка — описание их парадигматических свойств на основе синтагматических (Naas 1987, 334 и сл.), был применен к исследованию лексического уровня языковой системы. В Европе такой подход стал особенно популярным благодаря исследованиям московской структурной школы.

В основе дистрибутивного подхода лежит идея взаимодействия разных уровней языковой системы, о чем была речь в предыдущем разделе. По утверждению В. С. Храковского (1996, 23), понятие взаимодействия является необходимым условием структурного анализа, на что указывает данное Ф. де Соссюром определение языка

как целостной системы, состоящей из элементов, которые по определенным правилам взаимодействуют друг с другом и с окружением.

В соответствии с программным тезисом структурной семантики синтаксические свойства лексем находят отражение в их лексико-семантических признаках, а значит, отнесение двух языковых единиц (не только лексических) к одному семантическому классу возможно только благодаря общности их сочетаемости — другими словами, благодаря общности их функционирования. В частности, Ю. Д. Апресяном было введено понятие совместимости двух словоформ по отношению к общему синтагматическому контексту. Например, словоформы существительных считаются совместимыми по отношению к одному и тому же глаголу, если имеется хотя бы одно отмеченное предложение, в котором они встречаются одновременно, например:

Иван сорвал яблоко и грушу.

? *Иван сорвал яблоко и розу.*

? *Иван сорвал розу и шляпу с головы Мити.*

**Иван сорвал розу и партийное собрание.*

Совместимость — как синтагматическая, функциональная характеристика — дает основание для отнесения слов (например, существительных *яблоко* и *груша*) к одному парадигматическому, а именно — грамматическому или семантическому классу.

Понятие совместимости оказалось особенно важным при описании многозначности лексем, в частности, при разграничении значений и оттенков значения слова (Урысон 2003, 173). Для решения этой проблемы Ю. Д. Апресян (1995, 186) предложил дистрибутивный критерий:

«Если $A = 'B \text{ или } C'$, то $A = 'либо B, либо C, либо B \text{ и } C \text{ одновременно}'$ [...] Именно употребления последнего типа поддерживают единство значений; если бы не было (некаламбурных) контекстов, в которых одновременно реализуются оба семантических компонента, не было бы оснований говорить, что эти компоненты сосуществуют в рамках одного значения».

Рассмотрим следующий пример:

Дрова погасли.

Лампы погасли.

Дрова в камине и лампы на улице погасли почти одновременно.

Совместимость существительных *дрова* и *лампы* по отношению к глаголу *погаснуть* дает основание утверждать, что в этих разных

синтаксических конструкциях глагол выступает в одном и том лексическом значении — ‘перестать гореть, светить’. Если бы по отношению к разным существительным глагол реализовывал разные значения, синтаксическую конструкцию следовало бы признать неправильной или же нетривиальной, т.е. специального употребляемой для создания эффекта языкового шока, ср.:

**Дрова в камине и большие надежды погасли почти одновременно.*

Дистрибутивный критерий Апресяна имеет, однако, и свои недостатки. Во-первых, автор оговаривает, что учитываются только «некаламбурные» контексты, но определение «каламбурности» или «некаламбурности» не всегда представляется очевидным, как и определение правильности/неправильности (отмеченности/неотмеченности) синтаксических конструкций. Например, вряд ли возможна однозначная оценка правильности, «некаламбурности» следующего предложения:

? Лампа и сигарета погасли.

Во-вторых, при проверке совместной встречаемости двух слов в одном синтагматическом контексте должно сохраняться тождество их синтаксического окружения, а в рассматриваемом примере с глаголом *погаснуть* это не наблюдается: в проверочном предложении появляется новый элемент — обстоятельство *почти одновременно*, которого нет в базовых конструкциях. При устраниии обстоятельства отмеченность синтаксической конструкции с коокурентностью словоформ становится менее очевидной:

? Дрова в камине и лампы на улице погасли.

В теории референции (особенно популярной в 70–80-е годы XX в.) исследователи отказались от дистрибутивного метода, отдав предпочтение традиционному, скомпрометировавшему себя уже в XIX в. интуитивизму (или индукционизму, в определении И. Бобровского). Так, к категории операторов денотативного статуса именных групп были отнесены не только указательные, личные и неопределенные местоимения, но также кванторные местоимения типа *все, всегда, никто, нигде, иногда, часто* и даже числительные. Известная польская исследовательница Р. Гжегорчикова (1992, 273; 1995, 120 и сл.) считает, что само понятие квантификации избыточно, так как кванторные слова по своей природе являются референтными операторами (или актуализаторами). Насколько ошибочно такое представление, позволяет показать именно функционально-дис-

трибутивный подход (Киклевич 1998, 65 и сл.). Актуализаторы и кванторы находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т.е. совместимы в одном и том же синтаксическом окружении — благодаря тому, что в их содержании закодированы признаки принципиально различных семантических категорий, ср.:

все ее статьи — **ее мои статьи*, **все некоторые статьи*
все предшествующие события — **предшествующие последующие события*, **все некоторые события*
там везде пусто — **там здесь пусто*, **везде нигде пусто*
каждый такой поступок — **каждый ни один поступок*, **такой какой-то поступок*
все эти высказывания — **все некоторые высказывания*, **эти те высказывания*

Подобным же образом, т.е. на дистрибутивной основе, разграничиваются классы кванторных слов и числительных: первые передают количественную информацию с учетом экзистенциальной нормы множества, а вторые — с учетом арифметической нормы множества (Киклевич 2001, 124), ср.:

Возьмите все пять шариков.
 **Возьмите все некоторые шарики.*
 **Возьмите пять сто шариков.*

Функциональный критерий при определении семантической категории, казалось бы, учитывают В. Косеска-Тошева и Г. Гаргов: семантическая категория объединяет языковые единицы, которые описывают отношения между языковыми формами и действительностью в рамках целостной семантической структуры высказывания. При этом эвристическим критерием объединения единиц в одну семантическую категорию считается субституция:

«*X* и *Y* принадлежат к одной и той же семантической категории языка *A* тогда и только тогда, когда при замене *X* на *Y* (или обратной) в каждом осмысленном выражении языка *A* это выражение остается осмысленным (1990, 7 и сл.).

Критерий субституции является, однако, недостаточным, потому что сама замена единиц в одной и той же позиции на уровне синтаксиса не означает их принадлежности к одной и той же семантической категории, ср.: *новый дом, этот дом, каждый дом*. Несмотря на субституцию лексемы *новый, этот, каждый* относятся к разным семантическим категориям: прилагательное *новый* является включенным пропозициональным предикатом (ср. парافразу *Дом —*

новый); указательное местоимение *этот* является показателем детерминативной функции именной группы — передает значение определенности; обобщающее местоимение *каждый* является квантификатором — означает полный объем заданного, известного множества домов (с точки зрения некоторого признака, который потенциально приписывается этому множеству). Игнорирование критерия дистрибуции в семантической теории Косеской-Тошевой/Гаргова приводит к неточным экспликациям, к недифференцированному моделированию единиц разных семантических категорий — квантификации, определенности/неопределенности, степени и количества.

3.2. Функционально-структурное исследование грамматики

Если положительно определенный член оппозиции, как писал А. В. Исаченко, обладает значением и, как носитель значения, самостоятельно устанавливает связь с объектами внешнего мира, то отрицательно маркированный член оппозиции обладает значимостью (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра): своим значением он «непосредственно никак не связан с внеязыковой действительностью», что дает основание Исаченко считать значение слабого члена оппозиции «чисто реляционным», «внутриязыковым» (1961, 39 и сл.).

Сказанное объясняет, почему теория оппозиций особенно заинтересовала исследователей грамматики. В 1932 г. в статье «О структуре русского глагола» Р. Якобсон обратил внимание на то, что асимметрия бинарных оппозиций в грамматике состоит не только в том, что один из элементов является положительно, а другой — отрицательно определенным. Наблюдения над функционированием грамматических категорий в речи показали, что один член выступает как носитель конкретного признака в рамках оппозиции, другой же охватывает собой всю оппозицию в целом, т.е. выступает как беспризнаковый, немаркированный (Якобсон 1985, 210).

Важно обратить внимание на то, что чаще всего немаркированным оказывается сильный, а маркированным — слабый член оппозиции. Например, уже упоминалась оппозиция «мужской» — «женский», в которой первый член является сильным, а второй — слабым. Но в грамматике оппозиция мужского и женского рода выглядит иначе: формы женского рода маркированные (что особенно проявляется при обозначении лица), тогда как формы мужского рода многозначны: при обозначении лица они могут указывать как на лицо мужского пола, так и на человека вообще. Беспризнаковость грамматического мужского рода ярко проявляется в названиях профессий:

администратор Иванова, бактериолог Петрова, гинеколог Павлова, посол Сидорова, литературовед Кузьмина. Ср. характерный пример из текста художественной прозы:

Роды начались у одного матроса. Что ты ржешь? Ну, женщина — матрос (В. Аксенов).

Польские исследовательницы М. Карватовская и И. Шпыра-Козловская пишут о том, что подобная асимметрия форм мужского и женского рода выступает практически во всех языках мира, ср. формы мужского рода, которые употребляются в качестве гипонимов (т.е. названий мужчин) и в качестве гиперонимов (т.е. немаркированных в гендерном аспекте, «общих» номинаций) (Karwatowska/Szpyra-Kozłowska 2005, 18 и сл.).

Оппозиции маркированных и немаркированных членов были обнаружены в содержании многих грамматических категорий (см. таблицу 4). Противопоставление маркированных и немаркированных членов, собственно, и образует структуру грамматической категории, состоящей из двух или более функциональных классов, т.е. группировок слов с общим грамматическим значением (или функцией). Таковы теоретические предпосылки описания языка в академической грамматике польского языка (Grzegorzczkova/Laskowski/Wróbel 1984), во многом эти постулаты разделяют и авторы академической «Русской грамматики» 1980 г.

Таблица 4. Бинарные привативные оппозиции в грамматике

Маркированный член	Немаркированный член
страдательный залог	действительный залог
причастие	личная форма глагола
повелительное наклонение	изъяснительное наклонение
множественное число	единственное число
косвенный падеж	именительный падеж
прошедшее, будущее время	настоящее время

Понятие немаркированности в грамматике возникло благодаря тому, что формы определенного типа регулярно употребляются как многозначные. Здесь следует обратить внимание на различие подходов к лексической и грамматической многозначности. В лексикологии отсутствует четкое разграничение разных значений слова и разных семантических оттенков одного и того же значения, в резуль-

тате чего обусловленное синтагматическим контекстом семантическое варьирование слова часто ошибочно рассматривается как факт языка (что находит отражение в толковых словарях). В грамматических исследованиях более строго разграничиваются языковой инвариант значения и его речевые варианты. Так, А. В. Исаченко, анализируя разнообразные функции словоформы настоящего времени *бежишь*:

Куда ты бежишь?

Бежишь, бывало, на службу и ни о чем не думаешь,

не просто фиксирует эти разные семантические функции, но пытается обобщить их в едином инварианте:

«Сумма грамматической информации, содержащейся в знаке *бежишь*, остается, очевидно, константной. Отсюда ясно, что инвариантным грамматическим значением знака *бежишь* не может быть ни эксплицитное выражение единичности действия, ни выражение “настоящего времени”, ни выражение прошедшего времени. По-видимому, грамматическое значение такой формы, как *бежишь*, [...] сводится к невыражению реальной “кратности” и реальной временной отнесенности. Только в этом случае грамматическое темпоральное значение формы *бежишь* окажется достаточно емким, чтобы в нем могли “ужиться” все приведенные частные значения. Во всяком случае нам придется отказать от убеждения, будто бы “презенс” (грамматическое темпоральное значение) служит для обозначения реального настоящего времени» (1961, 34).

В. М. Морковкин сравнивает многозначность с медалью, которой награждается слово за речевые заслуги. Под «речевыми заслугами» имеется в виду, прежде всего, высокая частота употребления слова. Таким образом, маркированность/немаркированность в бинарных оппозициях имеет и количественное обоснование. Подобная идея лежит в основе современной теории *Natürlichkeit* ‘натуральность’, которая широко распространена в немецкой лингвистике (например, в публикациях журнала “*Papier zur Linguistik*”, см. также: Koch 1990). Приверженцы этой теории утверждают, что часто употребляемые формы отличаются не только своей немаркированностью (гиперонимичностью), но и большей, по сравнению с полными формами, краткостью, ср. немаркированные формы именительного падежа — более краткие, чем маркированные формы косвенных падежей. Аффирмативные (утвердительные) конструкции, в отличие от отрицательных, являются немаркированными, поэтому для выражения аффирмативности как своего рода

коммуникативной нормы обычно используются не материальные, а нулевые формы (ср. абсолютную форму аффирмативности — молчание как знак согласия). В подобных языковых фактах усматривается иконичность знака — зависимость его формы от обозначаемого понятия (Fenk-Oczlon 1990, 51; Döhmman 1974, 31).

3.3. Функционально-структурное исследование синтаксиса

Функциональное взаимодействие лексики и синтаксиса воплотилось, в частности, в понятии лексического наполнения структурной схемы предложения. Очевидно, что при определении синтаксической функции слова необходимо учитывать не только его грамматическое, но и лексическое значение, что особенно важно в случаях синтаксической омонимии (Аванесов 1936, 55), например, в таких конструкциях, как:

стрелял из ружья — стрелял из засады
сидел в вагоне — сидел в шубе
пить чай с пряниками — пить чай с папой

Процесс формирования высказывания рассматривался структуралистами как взаимная «подгонка» синтаксической конструкции и лексического материала. «Синтаксис располагает своими (по сравнению с морфологией. — А. К.) содержательными категориями», — это утверждение Р. А. Будагова (1973, 15) было весьма типичным для языкознания 70-х годов (см. также: Мухин 1961, 63; Попов 1972, 281 и др.). По определению В. М. Солнцева, синтаксические схемы могут реализовываться в пределах некоторого круга слов, допустимого для каждой синтаксической позиции. Этот круг слов обуславливает «предел истинности синтаксической схемы» (1977, 43). Так, сочетание (пример Г. А. Золотовой) **нишу перу* нарушает правило, в соответствии с которым синтаксические формы со значением адресата действия называют лицо или предмет как коллективное лицо.

К сожалению, в рамках структурной лингвистики система комплексных моделей предложения, объединяющих формально-грамматическую, семантическую и коммуникативную структуры, так и не была построена, а закономерности функционального взаимодействия лексических и грамматических категорий не были обобщены. Практическим достижением этого направления лингвистических исследований стало понятие селективных признаков — лексико-семантических свойств словоформы в определенной синтаксической позиции, другими словами, таких, которые аккомодируются синтак-

сической позицией (Topolińska 1984, 53). Селективные признаки — неотъемлемая часть лексикографической информации в словарях толково-комбинаторного типа, где описание лексического значения сопровождается описанием синтаксической сочетаемости слова. Один из лучших словарей подобного типа — «Генеративно-синтаксический словарь польских глаголов» (под редакцией К. Полянского).

Заключение

Структуралисты строго соблюдали принцип имманентности, т.е. исключали смешение внутренних и внешних функций языка (Лайонз 1978, 147 и сл.). По словам К. Писарковой, «достижением современного языкознания является последовательность, с которой оно старается отличать грамматические явления от стилистических» (Pisarkowa 1964, 236). Структуралисты не могли не помнить предупреждения К. Фосслера: «Положить мост от синтаксиса к стилистике — значит вновь воскресить мертвых. Но, с другой стороны, можно и убить и уложить в гроб живых...» (1960, 293).

Вместе с тем уже в недрах неоструктурализма зародились теории, которые стремились преодолеть разрыв между структурным и прагматическим описанием языка, заложить в лингвистической модели обобщенную информацию о правилах употребления единиц языка. В русистике этот подход широко применялся в рамках созданного Л. Н. Мурзиным дериватологического направления (Мурзин 1984; ср. введенное Мурзиным понятие «фатического поля языка» — 1998, 9 и сл.).

Функциональная доктрина в версии структурной лингвистики стремилась к универсализму. Во-первых, это проявилось в том, что принципы структурного описания языка активно применялись в других гуманитарных науках — в литературоведении, эстетике, социологии, антропологии, психологии. Во-вторых, структуралисты сами заимствовали ряд идей из других областей знания, в первую очередь — из кибернетики и информатики, тем самым демонстрируя принципиальную возможность исследования естественного языка в универсальном, семиотическом контексте.

Но и в первом, и во втором случае универсализм предстает, скорее, как изоморфизм, т.е. как структурная симметрия разных знаковых или, шире, информационных систем. В то же время в ходе практической разработки структурной доктрины становилось все более очевидным, что ограничение функционального подхода только рамками знаковых систем создает серьезные препятствия при

описании того, как та или иная знаковая система актуализируется в том или ином дискурсе, в той или иной конкретной коммуникативной обстановке. Языковеды должны были, например, признать, что высокая скорость операций, которые производятся с речевыми сообщениями, возможна благодаря взаимодействию вербальных и невербальных факторов информационного обмена (Lubaszewski 1984, 60).

Поэтому во второй половине XX в. функциональные исследования языка в Европе и в США начинают наполняться новым содержанием — они выходят за пределы языка как структуры знаков.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И.** (1936), *Второстепенные члены предложения как грамматические категории*. В: *Русский язык в школе*, 4, 53–60.
- Апресян Ю. Д.** (1995), *Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва.
- Арапов М. В.** (1984), *Правило и исключение*. В: *Системные исследования 1984*, 351–367.
- Атаян Э. Р.** (1987), *Язык и внеязыковая действительность. Опыт онтологического сравнения*. Ереван.
- Барт Р.** (1975), *Основы семиотики*. В: Басин Е. Я., Поляков М. Я. (ред.), *Структурализм: «за» и «против»*. Москва, 114–163.
- Бахтин М. М.** (1979), *Эстетика словесного творчества*. Москва.
- Берг Л. С.** (1977), *Труды по теории эволюции*. Москва.
- Блумфилд Л.** (1968), *Язык*. Москва.
- Бондарко А. В.** (1985), *К теории функциональной грамматики*. В: Яоцева В. Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, 16–29.
- Будагов Р. А.** (1973), *К теории синтаксических отношений*. В: *Вопросы языкознания*, 1, 3–15.
- Гак В. Г.** (1985), *К типологии функциональных подходов к изучению языка*. В: Ярцева В. Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, 5–15.
- Гаспаров Б. М.** (1998), *Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен*. В: *Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления*. Москва, 57–69.
- Данеш Ф., Вахек Й.** (1967), *Пражские исследования в области структурной грамматики на современном этапе*. В: Кондрашов Н. А. (ред.), *Пражский лингвистический кружок*. Москва, 325–337.
- Дридзе Т. М./Леонтьев А. А.** (ред.), (1976), *Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации)*. Москва.
- Есперсен О.** (1958), *Философия грамматики*. Москва.
- Звегинцев В. А.** (1976), *Предложение и его отношение к языку и речи*. Москва.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.** (1974), *Исследования в области славянских древностей*. Москва.

- Ильин И. П.** (1975), *Словарь терминов французского структурализма*. В: Басин Е. Я., Поляков М. Я. (ред.), Структурализм: «за» и «против». Москва, 450–461.
- Исаченко А. В.** (1961), *О грамматическом значении*. В: *Вопросы языкознания*, 1, 28–43.
- Киклевич А. К.** (1998), *Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации*. München.
- Киклевич А. К.** (2001), *Количество и юмор*. В: Киклевич А. (ред.), *Quantität und Graduirung in der natürlichen Sprache*. München, 123–148.
- Косеска-Тошева В., Гаргов Г.** (1990), *Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност*. София.
- Лайонз Дж.** (1978), *Введение в теоретическую лингвистику*. Москва.
- Лещак О.** (2000), *К проблеме понятия функции в функционально-прагматической методологии*. В: Kasperski E. (ред.), *Rozważania metodologiczne. Język — literatura — teatr*. Warszawa, 243–254.
- Лотман Ю. М.** (1972), *Анализ поэтического текста*. Ленинград.
- Лотман Ю. М.** Структура художественного текста. Москва, 1970.
- Лэм С. М.** (1977), *Очерк стратификационной грамматики*. Минск.
- Любищев А. А.** (1982), *Проблемы формы систематики и эволюции организмов*. Москва.
- Мейе А.** (1960), *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков // Звегинцев В. А. (ред.), История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Москва, 363–385.
- Мельничук А. С.** (ред.) (1992), *Методологические основы новых направлений в мировом языкознании*. Киев.
- Мурзин Л. Н.** (1984), *Основы дериватологии*. Пермь.
- Мурзин Л. Н.** (1998), *Полевая структура языка: фатическое поле*. В: Мишланов В. А. (ред.), *Фатическое поле языка*. Памяти профессора Л. Н. Мурзина. Пермь, 9–14.
- Мухин А. М.** (1961), *Синтаксема как функциональная синтаксическая единица*. В: *Филологические науки*, 3, 53–65.
- Попов Ю. В.** (1972), *Общая грамматическая теория в немецком языкознании*. Минск.
- Почепцов Г. Г.** (1971), *Конструктивный анализ структуры предложения*. Киев.
- Пуанкаре А.** О науке. Москва, 1990.
- Рудяков А. Н.** (2004), *Язык, или почему люди говорят. Опыт функционального исследования естественного языка*. Киев.
- Солнцев В. М.** (1977), *Язык как системно-структурное образование*. Москва.
- Соссюр Ф. де.** Труды по языкознанию. Москва, 1977.
- Топоров В. Н.** (1972), *К происхождению некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха)*. В: *Ранние формы искусства*. Москва, 77–103.
- Топоров В. Н.** (1987), *О структурном изучении языка*. В: *Общее языкознание. Хрестоматия*. Минск, 226–238.
- Урманцев Ю. А.** (1978), *Начала общей теории систем*. В: Горский Д. П. (ред.), *Системный анализ и научное знание*. Москва, 7–41.

- Урысон Е. В.** (2003), *Проблемы исследования языковой картины мира*. Москва.
- Фосслер К.** (1960), *Позитивизм и идеализм в языкознании*. В: В. А. Звегинцев (ред.), *История языкознания 19 и 20 вв. в очерках и извлечениях*. Ч. 1. Москва, 286–297.
- Храковский В. С.** (1966). *Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия)*. В: Бондарко А. В., Воейкова М. Д., Козинцева Н. А. (ред.), *Межкатегориальные связи в грамматике*. Санкт-Петербург, 22–42.
- Яacobson P.** (1985), *Избранные работы*. Москва.
- Яковлев Н., Ашхамаф Д.** (1941), *Грамматика адыгейского литературного языка*. Москва — Ленинград.
- Ágel V.** (1997), *Ist der Gegenstand der Sprachwissenschaft die Sprache?* В: Kertész A. (ред.), *Metalinguistik in Wandel. Die „kognitive Wende“ in Wissenschaftstheorie und Linguistik*. Frankfurt am Main etc., 57–98.
- Beaugrande R. de.** (1996), *Funkce a forma v jazykové teorii a výzkumu*. В: *Slovo a slovesnost*. 1996/57–1, 1–29.
- Coseriu E.** (1987), *Formen und Funktionen. Studien zur Grammatik*. Tübingen.
- Daneš F.** (1987), *On Prague School Functionalism in Linguistics*. В: *Functionalism in Linguistics*. Amsterdam — Philadelphia, 3–38.
- Davidse K.** (1987), *M. A. K. Halliday's Functional Grammar and the Prague School*. В: *Functionalism in Linguistics*. Amsterdam — Philadelphia, 39–79.
- Döhmman K.** (1974), *Die sprachliche Darstellung logischer Funktoren*. В: *Logik und Sprache*. München, 28–56.
- Fenk-Oczlon G.** (1990), *Iconismus versus Ökonomieprinzip. Am Beispiel russischer Aspekt- und Kasusbildungen*. В: *Papiere zur Linguistik*, 42, 49–69.
- Grzegorzczkova R.** (1992), *Problemy dyskusyjne w opisie zjawiska referencji*. В: *Etudes de linguistique Romane et Slave*. Kraków, 271–281.
- Grzegorzczkova R.** (1995), *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*. Warszawa.
- Grzegorzczkova R./Laskowski R./Wróbel H.** (red.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa.
- Haas W.** (1987), *Function and Structure in Linguistic Descriptions*. В: *Functionalism in Linguistics*. Amsterdam — Philadelphia, 333–353.
- Hempel C. G.** (1965), *Aspects of Scientific Explanation*. New-York — London.
- Jachnow H.** (1975), *Gibt es eine einheitliche Kasus-kategorie im Russischen?* В: *Anzeiger für Slavische Philologie*, 113–131.
- Jachnow H.** (1981), *Sprachliche Funktionen und ihr Hierarchgefüge*. В: *Forms and Functions*. Tübingen, 10–24.
- Jachnow H.** (1987), *Sprachfunktionsforschung*. В: *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*. Berlin — New York, 612–626.
- Karwatowska M., Szpyra-Kozłowska J.** (2005), *Lingwistyka płci. Ona i ona w języku polskim*. Lublin.
- Koch W. A.** (red.) (1990), *Natürlichkeit der Sprache und der Kultur*. Bochum.
- Korzyk K.** (1999), *Język i gramatyka w perspektywie „komunikatywizmu”*. В: *Авдиев А.* (ред.), *Граматыка komunikacyjna*. Warszawa — Kraków, 9–32.
- Lubaszewski W.** (1984), *Czy nowe językoznawstwo?* В: *Język Polski*, LXIV/1–2, 57–64.

- Pisarkowa K.** (1964), *Składniowa funkcja imiesłowów z czasownikiem mieć*. В: *Język polski*. XLIV/4, 231–237.
- Pisarkowa K.** (red.) (2000), *Językoznawstwo Bronisława Malinowskiego. T. 2*. Kraków.
- Schmidt W.** (1969), *Skizze der Kategorien und der Methode der funktionalen Grammatik*. В: *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 22, 518–531.
- Tokarski R.** (1976), *O pewnym kontekstowym znaczeniu form stopnia wyższego*. В: *Język Polski*. LVI/5, 339–341.
- Topolińska Z.** (red.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa.

Резиме

Александр Киклевич

ФУНКЦИОНАЛНИ ПРИСТУП У ПАРАДИГМАМА ФИЛОЗОФИЈЕ ЈЕЗИКА

У чланку се разматра место функционалног приступа у разним парадигмама филозофије језика, и са тог становишта посебно се разматрају две парадигме: структуралистичка и постструктуралистичка. Аутор критикује гледиште према којем се прелазак од структурализма на савремену „еколошку“ лингвистику састојао у томе што је као доминантан прихваћен функционални приступ у опису језичког система и језичких јединица. Такво гледиште износи се у радовима В. Г. Гака, Р. Бугранда, М. В. Арапова, А. Н. Рудјакова, О. Лешчака и других. Према тој концепцији функционална лингвистика била је шире прихваћена у европској лингвистици крајем XIX и почетком XX века, док се парадигматска револуција у другој половини XX века састојала у томе што је објекат систематских лингвистичких проучавања постала социјална и когнитивно-културна средина знаковних система. Аутор доказује тезу да је језички систем средина за своје елементе, те да је могуће функционално истраживање унутар језичког система. У вези с тим се као темељна разматра лингвистичка концепција Х. Јахнова. У појединим деловима чланка аутор подробно разматра функционално-структуралне приступе у проучавању лексике, граматике (морфологије) и синтаксе.